

SCAFFOLDS OF THE CHURCH: TOWARDS POSTSTRUCTURAL ECCLESIOLOGY
[СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЛЕСА ЦЕРКВИ: НА ПУТИ К ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ
ЭККЛЕЗИОЛОГИИ]. BY CYRIL HOVORUN. EUGENE, OR: CASCADE BOOKS,
2017. XII, 262 PP.; ISBN 9781498284202 (PВK.); 26.00 GBP.*

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.29

В своей новой книге архимандрит Кирилл Говорун, профессор университета Лойола Мэримаунт (Лос-Анджелес, США), продолжает экклезиологические исследования начатые книгой “Мета-экклезиология”.¹ Первая книга охватывает различные традиции и этим напоминает труды Роджера Хейта² или Эрика Джея.³ Рецензируемая книга отличается: она охватывает только восточную ветвь христианства, и ее написанием автор желает восполнить недостаток в “критическом анализе” структур православной церкви (2).

Доктор Говорун ставит цель “разоблачить структуры, определяющие жизнь восточных церквей” (1). Он деконструирует онтологическое понимание структур, объясняя их эволюцию и преобразования с помощью инструментов критической теории (структурализм/постструктурализм) (1, 181). Он полагает, что “формирование административных структур в церкви увеличило дистанцию между священнослужителями и прихожанами”, а “развитие внутренних границ в церкви усилило ее воображаемые внешние границы” (9). Автор строит на этих двух гипотезах, рисуя картину того, как в ходе исторического развития структуры изменялись, отходя от своих первичных функций, и преобразовывали изначальные верования о церкви.

Автор подходит к задаче творчески, используя различные образы, которые в соответствующих главах коррелируют с церковными структурами. Образы выявляют типичные особенности, а также сильные и слабые стороны структур. Более того, образы служат “установлению причинной связи между разными структурными дефектами” (192).

Книга состоит из введения, семи глав, заключения и четырех приложений.

Первые две главы задают фон для последующего анализа церковных структур. В первой главе автор показывает, как изначальные теоретические отличия, — образ карандашного эскиза — использованные богословами развились в “чертежи” и, далее, вылились в разные экклезиологические модели. Отличия касаются церкви как исторического феномена и объекта веры; церкви для

¹ Cyril Hovorun, *Meta-Ecclesiology: Chronicles on Church Awareness* (New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015); Ukrainian translation: Архимандрит Кирило (Говорун), *Мета-екклезиологія: хроніки самоусвідомлення Церкви* (Київ: Дух і літера, 2018).

² Roger Haight, *Christian Community in History*.

³ Erick Jay, *The Church: Its Changing Image through Twenty Centuries*.

* Стаття поступила в редакцію 23.03.2018; утверджена в печать 26.03.2018

всех и для некоторых; дуализма священного и мирского; церкви вселенской и поместной. Хотя эти отличия “теоретические” и “воображаемые” (11), они имели практические последствия. Так, церковь как историческая реальность бросила вызов представлениям о церкви как объекте веры (15), в то время как дуализм видимого и невидимого вводит отличие между реальной и идеальной церковью, демотивирующий христиан в стремлении преодолеть разрыв между ними (24).

Вторая глава рассматривает церковь как общину и движение. Община — это изначальная структура, принадлежащая природе церкви (50). Первые общины имели общие ценности и практики, но усвоили разные модели: синагога, *эклесия*, *коллегиум* или домовладение (51-56). Развитие и распространение движения вызвали потребность межобщинных связей. Связи же оформлялись в разные модели: некоторые были привязаны к одному центру — Иерусалиму (модель диаспоры); другие были относительно автономными (*полис*); прочие усвоили модель, объединявшую разные римские *коллегии* и использовавшую сложную структуру (59). Группы церквей нуждались в руководстве и решении вопросов, выходящих за рамки возможностей поместных общин. Так церкви округи были равными, могли служить нуждам друг друга и решать проблемы во время нерегулярных советов епископов (59-60). Но вскоре некоторые церкви стали претендовать на большую власть, поскольку были основаны апостолами или имели очень авторитетных епископов, занимая, таким образом, более высокое положение. Это отразилось в переходе к модели “метрополии”, которая объединила церкви провинции, ввела и утвердила иерархию среди епископов, сделала регулярными епископские соборы и преобразовала сообщество церквей провинции в “сверх-церковь” (60-3). Автор иллюстрирует это с помощью метафоры простенков и убедительно показывает амбивалентность структур, которые кроме помощи и объединения общин воздвигли барьеры между территориальными группами церквей.

Следующие три главы фокусируются на последствиях сдвига к территориальности для церковных структур. Третья глава поясняет, как римская концепция территории и гражданского устройства помогла церквям реализовать их универсалистский импульс и решить множество административных проблем (74-5), но также привела к напряженности между различными юрисдикциями (77-9) и обусловила развитие концепции суверенности (образ рвов), позже известной как “каноническая территория” (82-7). Решающее влияние на развитие концепции оказала возникшая в середине XVII и сформировавшаяся к XIX веку идея политического суверенитета, а также связь суверенитета с национальными границами. Признавая негативные аспекты “канонической территории” — напряженность между старыми юрисдикциями и новыми национальными церквями в начале XX в.; споры о “ничейной земле” (83); связь с нео-имперскими проектами (85) — автор считает, что концепция все еще ценна, если служит единству и “применяется к интересам общин, а не юрисдикций” (86). Четвертая глава исследует версии, трансформации значения и исторические примеры автокефалии (образ цитадели). Описывая автокефалию автор выходит за рамки

канонических и административных представлений, освещая ее роль в укреплении политической независимости государств, формировании национальной и культурной идентичности, деимпериализации и коренизации (89). Территориальность также ставит вопрос первенства, который рассматривается в пятой главе (образ пирамид). Возможно, это самая интересная глава (наряду с заключением) книги, в которой автор касается очень деликатных вопросов: первенство между историческими церквями и его импликация для церковной иерархии. Он обращается к сути проблемы, задавая вопрос, относится ли первенство к природе церкви или ее строительным лесам (129). Автор отмечает, что западные и восточные богословы по-разному рассматривали вопрос первенства: как божественное установление (129-30) или как укорененное в евхаристической экклезиологии (фон Бальтазар, де Любак, Зизиулас). Зизиулас строит свое представление о первенстве епископа в совершении евхаристии и монархии Отца в ипостасных отношениях Троицы. Доктор Говорун утверждает, что подход Зизиуласа “подвергает опасности фундаментальную идею равенства тринитарных личностей” и следует логически из “Троицы к первенству церкви” (131). Отвечая на главный вопрос, автор обращается к Амброзиастеру и Псевдо-Дионисию Ареопагиту. Первый представлял конвенциональный взгляд на структуры и “спроецировал земную иерархию на божественные реалии”, в то время как второй “поместил структуры церкви в метафизическую матрицу.. от Бога к церкви” (132). Второй взгляд черпал из неоплатонизма, творчески синтезировавшего платоновское и аристотелевское видение иерархии, и был прочно укоренен в этой философии (133-42). Автор затрагивает уместный вопрос – укоренен ли этот взгляд в христианской традиции (139). Его ответ отрицательный, поскольку ни в Библии, ни в ранней богословской традиции ничего подобного не встречается. Более того, он противоречит неоплатонической идее неизменной природы. Поскольку иерархия зависела от исторического и социального контекста, она может быть только *“полезной, но не священной”* (143).

В шестой главе автор обращается к вопросу священства. Он признает, что оно относится к природе церкви, а принцип иерархии – нет. Обзор преобразований священства в иерархию указывает на причины ее зарождения: (а) легализация христианства (145); (б) развитие административных структур (146); и (с) объединение харизм и священства (150). Иерархия – результат долгого и медленного исторического процесса от равного и харизматического служения к моно-епископату. Рост значения епископата привел к исключению прихожан из выборов епископов и дальнейшей стратификации церкви (образ напластований, формаций). Богословское оправдание иерархии Псевдо-Дионисием привело к дальнейшему разделению прихожан и священства, но, как ни странно, “способствовало ассимиляции гражданской и церковной формаций, которые оказались на одном уровне иерархической лестницы” (161). “Тонкая демаркационная линия между общиной и священнослужителями, существовавшая в первые века христианства превратилась в высокую стену между прихожанами и иерархами”, заключает доктор Говорун (162).

Седьмая глава касается границ церкви. Автор отмечает, что развитые

административные структуры усиливают разделение между прихожанами и священством и возводят стены между церковью и миром. Автор использует образ пограничья, “ключевой образ для понимания природы церкви и ее отношения к миру” (163). Анализируя богословские позиции по вопросу вступления в церковь, автор приходит к выводу, – похожему на вывод Николая Афанасьева, – что “отношение к крещению в других деноминациях отражало скорее различные исторические обстоятельства, нежели твердую богословскую позицию” (166). Ни один предложенный подход не решает проблемы, продолжает он, и полагает, что “эта проблема не имеет решения вовсе, до тех пор, пока мы не избавимся от привычного образа границы между церковью и не-церковью как четко очерченного края” (179). Он предлагает вернуться к идее пограничья, которая представляет не линии, но проницаемые и открытые к расширению территории. По мнению автора образ соответствует миссионерской концепции ранней церкви, нацеленной на включение новых народов и территорий и их преобразование.

В заключении автор собирает главные нити своей аргументации, подводя к выводу: “церковные структуры возникли в ходе истории как инструменты, помогающие церкви в достижении конкретных целей” (181). Он различает *esse* и *bene esse* церкви. Так, общины, таинства, священство и даже литургия относятся к первому, а над-общинные структуры и иерархия ко второму (183). Структуры тяготеют к юрисдикционным, иерархическим, институциональным и экклезиоцентрическим эксцессам (190-2), поэтому каждое поколение должно их переоценивать и по-новому открывать причину их существования и связь с миссией церкви (193). Автор убежден, что их следует воспринимать не как “онтологические”, а как “реляционные” (196) и “вмещающие свободу человека” (197).

Эта творческая, информативная и очень захватывающая книга написана ясной прозой. Автор выказывает высокий уровень компетентности, обращаясь к сложным и деликатным проблемам. Он убедительно доказывает свой тезис, подкрепляя его данными из широкого спектра исторических, социологических, философских и политологических исследований. Некоторый осадок оставляет плохое качество напечатанных в книге карт. Тем не менее, любой, интересующийся экклезиологией в целом и предметом церковных структур в частности получит массу пользы от прочтения этой книги.

*Александр Гейченко,
Университет Сент-Эндрюс
Сент-Эндрюс, Великобритания
ORCID: 0000-0002-0677-3456*